

Изначально жажда не ощущалась так остро, но стеклянная бутылка, охлаждённая кондиционером, принесла прохладу губам. В самолёте он не пил, и теперь, если считать точно, прошла уже полночь с последнего глотка воды, не говоря о том, что ужин был пересолен. Мысль о жажде, однажды возникнув, полностью захватила внимание, сосредоточив его на воде, которая была под рукой.

Ладно, ссориться не обязательно на сухую, глоток воды поможет лучше справиться с аргументами.

Хэ Линнань протянул руку, схватил стеклянную бутылку и, запрокинув голову, выпил больше половины. Вода тяжело опустилась в желудок. Он поставил бутылку обратно на тумбочку, вытер тыльной стороной ладони влагу с губ и через секунду вернулся в боевой настрой:

— Я хочу вернуть товар.

— Какой товар? — спросил Цинь Мянью.

— Тебя. — Хэ Линнань глубоко вздохнул. — Да, да, я знаю, что после семи дней нельзя вернуть без причины, но у тебя есть дефекты, понимаешь? И ты ещё спрашиваешь, почему я приехал в Синьти без предупреждения! Если бы я не приехал, ты бы сам себя довёл до слепоты!

— Ты ещё и врать научился? По телефону ты сказал, что с глазами всё в порядке! Хорошему не учишься, а плохое схватываешь мгновенно. Что вообще происходит в Синьти, раз у тебя нет времени даже поспать? Ты же знаешь, в каком состоянии твои глаза! Даже гадать не умеешь, а вдруг ты ослепнешь? Что тогда? Слепой и упрямый! И ещё научился врать! Чуть не забыл, у тебя ещё и мужская дисфункция...

Не успел он договорить слово «дисфункция», как рука Цинь Мянью резко закрыла ему рот.

Цинь Мянью пристально смотрел в глаза Хэ Линнаня.

Гнев поднимался в нём.

Не из-за того, что он не умеет гадать.

Он злился на себя за то, что не смог сдержать эмоции и начал давить на Хэ Линнаня резким тоном.

Он злился на Хэ Линнаня за то, что тот не послушал его и приехал в Синьти без предупреждения.

Он злился на то, как сейчас дрожал кадык Хэ Линнаня, такой красивый, что хотелось

прикоснуться.

Хэ Линнань, чей рот был закрыт рукой Цинь Мяня, почувствовал холод ладони, охлаждённой бутылкой с водой.

Через ладонь Цинь Мяня он смотрел ему в глаза и постепенно начинал улавливать в них что-то большее.

Он хорошо ладил с Хуахуа, и по кошачьей морде всегда можно было понять, хочет ли она его укусить или просто потереться.

Некоторые эмоции отца Хуахуа читались ещё проще.

Например, сейчас было очевидно, что он хочет укусить.

Хэ Линнань протянул руку, пытаясь опередить Цинь Мяня и схватить его за локоть, но тот ловко уклонился, скрутил ему обе руки и прижал к зеркалу.

Хэ Линнань попытался вырваться, но руки были крепко зафиксированы:

— Не считается, я предупреждаю! Если ты используешь приёмы, нужно предупреждать заранее! Давай заново!

Но Цинь Мянь не спешил его отпускать.

Короткая пауза прервалась, когда дыхание Цинь Мяня резко приблизилось. Поток воздуха, словно струя воды, ударил по затылку Хэ Линнаня, проник через поры и пополз вверх по коже, оставляя за собой след, который достиг макушки и взорвался фейерверком ощущений.

Рука Цинь Мяня оттянула воротник Хэ Линнаня, и он впился зубами в его кожу.

Укус пришёлся близко к позвоночнику, и всё тело Хэ Линнаня на несколько секунд обмякло.

Хуахуа тоже кусалась.

Но её укусы не были направлены на убийство: это был её способ выразить дружелюбие. Она кусала слегка, лишь слегка потирая зубами, приглашая поиграть.

Африканские хищники тоже кусаются, но Хэ Линнань никогда не был укушен, поэтому боялся клыков, способных лишить жизни.

Сейчас, не видя, что происходит за спиной, он чувствовал, как укусы Цинь Мяня напоминали одновременно хищника, готового его съесть, и ласковую кошку.

Цинь Мянь не произнёс ни слова, но его плотное прикосновение опровергало скоропалительное заявление о «дисфункции».

Его рука отпустила запястья Хэ Линнаня и скользнула под рубашку.

Прикосновение было неожиданно быстрым и грубым, лишённым привычной сдержанности.

Такой несдержанный Цинь Мянь казался Хэ Линнаню новым и необычным.

Сердцебиение сдавило горло, до мурашек.

— Цинь...

Кондиционер дул прохладным воздухом, но ладони покрылись потом, и кончики пальцев тоже. Руки больше не были скручены, а просто прижаты. Хэ Линнань, с опозданием освободив левую руку, попытался сделать шаг, но Цинь Мянь прижал его, и он, пошатнувшись, упёрся ладонью в зеркало.

Сломанный когда-то сустав большого пальца пронзило электрическим током, и вся рука потеряла силу. Потные пальцы скользнули по зеркалу, издав скрип.

Рука Цинь Мяня убралась и накрыла его левую ладонь.

Хэ Линнань наконец смог развернуться лицом к Цинь Мяню и оказаться с ним глаза в глаза.

Через мгновение Цинь Мянь потянулся, чтобы расстегнуть пуговицы на его рубашке, но Хэ Линнань быстро схватил его за руку.

Движение снова замерло.

Он знал, что хочет Цинь Мянь, и Цинь Мянь знал, что он знает.

Они были настолько синхронны, что не нужно было ждать момента, когда всё выйдет из-под контроля, чтобы остановиться.

Хэ Линнань, сдерживая дыхание, постарался говорить как можно чётче:

— Нельзя.

Он почувствовал, как напряжение в руках Цинь Мянэ немного ослабло, и тот остановился, ожидая объяснения.

— На мне ужасно некрасивые полосатые шорты, и они уже потерлись.

Цинь Мянэ продолжал молчать.

Неужели весь запас слов на сегодня был исчерпан при входе в комнату?

Хэ Линнань прочистил горло, решив, что прошло достаточно времени и Цинь Мянэ, вероятно, остыл, поэтому можно остановиться. Он сделал шаг в сторону, чтобы обойти зеркало.

Обычно разговор о погоде был самой безопасной темой, и Хэ Линнань воспользовался этим:

— На севере Синьти жарче, чем на юге?

Раздался щелчок, и комната погрузилась в темноту.

У обычного человека глаза привыкают к темноте постепенно, но Хэ Линнань на пару секунд ничего не видел. В этот момент его прижали к стене.

Вот это да, у других бывает сонный паралич, а у него стеновой.

Ещё один щелчок, и в углу загорелся тусклый ночник. Свет был слабым, но его хватило, чтобы Хэ Линнань разглядел Цинь Мянэ. Он снова был поражён: пульт ещё не успел опуститься!

Хэ Линнань упёрся руками в плечи Цинь Мянэ, пытаясь оттолкнуть его:

— Ты же сказал, что не будешь делать то, что мне не нравится!

Цинь Мянэ положил пульт на стол рядом и посмотрел на него:

— Я тебе не нравлюсь?

В его голосе не было ни вызова, ни давления. Он смотрел на Хэ Линнаня теми же глазами, что и в юности, искренне выражая недоумение.

Всегда есть такие глаза, которые действуют сильнее, чем любая молитва.

<http://tl.rulate.ru/book/5531/190994>